

РОЗОВЫЙ ДЫМ НАД "КЛАССОВЫМ" ПЕЙЗАЖЕМ

Страничка отечественной истории

В 1922 году в Киеве издавалась газетка эгофутуристов "Катафалк искусства". Я наткнулся на нее случайно в 1957 году, роюсь в киевском газетном архиве, и выписал для себя особенно смешные места. Теперь, спустя много лет, я вижу в них букварь-манифест победившего плебейства, в его изысканно-анархичной и одновременно охранительно-официальной форме. Подобным образом озорные подростки выбалтывают секреты взрослых.

"В искусстве, - заявляют шалуны-эгофутуристы, - нуждается теперь только профсоюз мусорщиков".

В дальнейшем, мы знаем это, мусорщики от идеологии никогда уже не формулировали свои мысли так откровенно. Правда, для полной перестройки личной и общественной психологии предстояло, хоть и ударными темпами, но все-таки пройти определенные физиологические периоды созревания.

В 1931 году даже Сталин мог еще начать свое письмо в редакцию журнала "Пролетарская литература" словами: "Решительно протестую против помещения в журнале антипартийной статьи..." Хотя содержание письма вполне изобличало в авторе существо сверхъестественное, но по форме оно напоминало домашнее беснование в пижаме и войлочных туфлях, в нем еще не было блеска государственных голенищ.

Они еще изволили говорить не столько с вершины классово-имперской пирамиды, сколько от имени своей личной левой ноги.

Так на пленуме РАППа в 1929 году Александр Фадеев от своего собственного имени поругался с Фридрихом Шиллером. Крикнул совершенно по-комсомольски: "Долой Шиллера!".

Этот подвиг запечатлен в статье со своеобразным названием "Конец красоте". Статейка напечатана в четвертом номере "Пролетарской литературы" за 1931 г., автор - профессор Н.М.Иезуитов, которого сейчас мало кто помнит (о нем, впрочем, упоминает Большая Советская Энциклопедия). Но на произведении его стоит остановиться, потому что фигура интеллигента-перебежчика, как правило, дворянина, играла не последнюю роль в грандиозной работе по ликвидации культурной почвы, накопленной веками. Хочется еще раз подчеркнуть название статьи. Не "Конец красоты", что означало бы по крайней мере веру в ее естественное отмирание в пролетарской стране. Нет — "Конец красоте". То есть требование насильственного устранения — умерщвления.

Но как для облавы и обыска необходим наводчик, так и эти люди выполняли роль проводников для отрядов пролетписателей и показывали, где зарыты духовные клады и кто их хранит. О Шиллере лихой дальневосточный партизан Саша Фадеев хоть и слышал, но вряд ли знал, что Шиллер состоит в преступной связи с кенигсбергским философом Кантом. Профессор Иезуитов подсказывает:

"Шиллер не ошибается, когда говорит, что "ничто не противоречит в такой степени понятию красоты, как внушение определенной тенденции." Пролетарское искусство борется за политическую содержательность, за классовую тенденциозность. А раз пролетарское искусство против красоты и прекрасного, значит оно против Канта и против Шиллера. Этот лозунг (Фадеева. - Ф.Г.) отрицал Шиллера не только с точки зрения творческого метода последнего, он отрицал и всю эстетическую теорию Шиллера, всю буржуазно-идеалистическую эстетику его учителя. Таким образом лозунг "Долой Шиллера!" превратился в лозунг "Долой Шиллера и Канта!"

И вот что интересно. Крестьянско-пролетарскому бесчинству еще можно найти если не оправдание, то объяснение. Социальные низы вырвались на исторический простор, переживали стадию идейно-полового созревания. Как всем недорослям, им хотелось бодаться и толкаться. А эти-то куда? В пенсне и бородках, с благородным чеховским обликом. Или тоже волю почуяли от семейных уз и от морально-церковных законов? Захотелось взбрыкнуть, погулять, сбросить старика Шиллера с парохода современности в мусорное ведро. Впрочем, какой там Шиллер, если профессор Иезуитов замахнулся на самого Николая Ивановича Бухарина - в тридцать первом году, за семь лет до разоблачения вчерашнего любимца партии и теоретика номер один. В работе "Гейне и коммунизм" Бухарин писал:

"Конечно, строительные гиганты сейчас должны стоять в центре внимания, но нужно помнить о длительной ориентации на развитие всех способностей масс. Вопреки Гейне, у коммунизма будут и свои розы, и свои соловьи, гораздо более интересные, чем старинные соловьи девятнадцатого века".

Профессор Иезуитов возражает:

"Флора и фауна в коммунистическом обществе не успеет измениться настолько, чтобы исчезли интересующие Бухарина цветы и представители пернатого царства".

Не только в сельском хозяйстве, но и в словесности должна быть проведена коллективизация - это Иезуитову ясней, чем Бухарину. Слова-единоличники "роза" и "соловей" лучше звучат во множественном числе - так сказать, в коллективе: "цветы" и "пернатые". Но нужны ли они вообще? - вот вопрос. Можно надеяться, что в конце концов они исчезнут, освободив место для полезных растений и аэропланов.

"Чтобы убедиться в том, что красота как содержание искусства из произведений пролетарских писателей изгнана, достаточно взять несколько книг из пролетарской литературы и сопоставить их с соответствующими опусами буржуазного творчества. Вот очерки станичной жизни Ф.Крюкова под названием "Казацкие мотивы" (Спб.1907 г.). И вот очерки станичной жизни В.Ставского под названием "Разбег" (ГИХЛ, 1931 г.). Первое произведение принадлежит перу сотрудника "Русского богатства", буржуазному журналисту. Второе написано пролетарским очеркистом, членом РАППа. Ф.Крюков рисует дореволюционный быт казачьей станицы с присюсюкиванием, любясь красивой жизнью, красивыми людьми, красивой природой. В первом очерке под заглавием "Казачка" он говорит о красивом лице своей героини, ее красивой улыбке, красивых продолговатых глазах, красивых, в горьких усмешках, устах, ее красивой фигуре, о ее красивом жесте, красивой грусти, о новой странной красоте ее во время сумерек и, наконец, о красоте ее труп. И лунная ночь так мечтательно безмолвна и красива. Буржуазная природа ласкает своей свежестью, приятно щекочет лицо, овеивает героев нежным и молодым воздухом... "Разбег" - полная противоположность "Казацким мотивам". Книга описывает

классовую борьбу в станице Вельяминовской в 1929 году, ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации."

Приводится пример пролетарского пейзажа эпохи сплошной коллективизации: "Станичные ровные и просторные улицы пусты. Тянутся шеренгами по обе стороны вдоль заборов акации. Непокойно шуршит листва". И все в таком стиле, лишенном всякой сентиментальности, буржуазного изящества."

Вывод - или, вернее, приговор:

"Крюков набрасывает на действительность покрывало красоты. Только покрывало Крюкова - грязная, измызганная вонючая материя, цветастая с подленькими розочками."

Дались Иезуитову эти розочки. Не правда ли, целая эпоха сказала в этой ненависти к безобидному цветку. А ведь при этом цитируют Гельдерлина и излагают Гераклита, и анализируют эстетику Гегеля. Можно добавить, что несчастный Федор Крюков, умерший от тифа во время гражданской войны на Дону, был, возможно, одним из авторов "Тихого Дона".

Еще одна цитата из статьи Иезуитова:

"В минуту отчаяния и неверия Гейне с трепетом и ужасом думал о времени, когда пролетарии, "эти мрачные иконоборцы", достигнут господства, когда они своими грубыми руками беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты, столь дорогие его сердцу, разрушат любимые поэтом фантастические игрушки искусства, вырубят олеандровые рощи и станут сажать в них картофель. Это время пришло, но ни мраморных статуй, ни фантастических игрушек искусства никто разрушать не стал. Пролетариат сдал... художественную культуру в музеи. "Красоту" развесили по стенам, и экскурсовод стал водить пионеров по залам, объясняя страницы художественной истории проклятого прошлого. А олеандровые рощи были действительно вырублены, но только рабочие на их месте посадили не картофель, а воздвигли грандиозные социалистические предприятия... Розовый дым, которым окутывали себя инвалиды разбитой буржуазной литературной гвардии, мечтавшие о Прекрасной Даме, окончательно развеян социалистическим ветром."

Прошло совсем немного времени, и "члены РАППа" сами отравились в небытие, для них не нашлось места даже в музее пролетарского искусства. (Н.М.Иезуитов был счастливым исключением. Он погиб в начале войны в московском ополчении.) Сейчас мы хорошо понимаем, почему РАПП заменили Союзом писателей, лихих рубак - чиновниками вроде Жданова, убийц-трибунов - убийцами-бюрократами. Но РАПП сделал великое дело. РАПП подготовил в своих хулиганских недрах, отштамповал, выковал весь этот механизм насилия над литературой, который впоследствии стал надежным капканом, где поработавшему лишь иногда разрешается вольнолюбиво побегать в беличьем колесе.

Однако понять эту серую мощь антикультуры можно только через ее детство и юность, когда все еще не застыло, все еще формировалось, все еще было наглядно. Различить ее можно уже в веселом озорстве эгофутуристов из "Катафалка искусств."

Устами все того же профессора Иезуитова РАПП заявил:

"Будущим поколениям египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы будут казаться соломенными овинами по сравнению с гигантами социалистической индустрии."

Это звучит анекдотически, но как-то не хочется смеяться - и чем дальше, тем все меньше. Раньше, по крайней мере, занимались делом понятным и откровенным, пытались хоронить то культуру в целом, то красоту. К старости впали в мистицизм - следят, чтобы культура не воскресла. Да и Гейне, действительно, ошибся, прав оказался Иезуитов. Вместо вырубленных олеандровых рощ "пролетарии" посадили не картошку, а построили несъедобную индустрию, так что сейчас - ни культуры, ни картошки.

Фридрих ГОРЕНШТЕЙН

1983